

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Специалист как участник уголовного процесса»

Обучающийся

Я.В. Дергачев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Для того, чтобы правильно обнаружить и изъять следы преступления, определить механизм его совершения, выявить наличие объективных признаков преступления в деянии обвиняемого, должностным лицам, от которых зависит принятие процессуальных решений по делу, может потребоваться обращение к специальным знаниям, которых они не имеют, либо которых явно недостаточно в конкретной ситуации. Носителем таких знаний является отдельный субъект уголовного процесса, отнесённый законодателем к числу иных участников уголовного судопроизводства, именуемый «специалист».

Законодательные новации, связанные с данным участником уголовного судопроизводства, пошатнувшие «монополию» должностных лиц, обладающих властными полномочиями, на обращение к специальным знаниям, открыли новые возможности для стороны защиты, но и создали ряд проблем, которые не находят однозначного решения в науке и практике.

Цель работы: проанализировать особенности процессуального положения специалиста как участника российского уголовного судопроизводства.

Данная тема работы разрабатывалась в трудах таких исследователей как: И.В. Абросимов, Н.В. Азаренок, Е.П. Гришина, А.М. Зинин, В.Н. Махов, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, А.П. Рыжаков, З.И. Соколовский, А.А. Экзархопуло и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и общая характеристика категорий «специальные знания» и «специалист» в уголовном процессе России	7
1.1 Понятие и содержание специальных знаний	7
1.2 Понятие специалиста и формы использования им специальных знаний в уголовном процессе	10
1.3. Сравнительная характеристика специалиста и эксперта как участников уголовного судопроизводства.....	16
Глава 2 Особенности процессуального положения специалиста в уголовном процессе России	21
2.1 Права, обязанности и ответственность специалиста в уголовном процессе	21
2.2 Особенности участия специалиста-криминалиста в уголовно-процессуальной деятельности	26
2.3 Особенности участия специалиста по инициативе стороны защиты	30
Глава 3 Актуальные проблемы, связанные с участием специалиста в уголовном процессе России.....	36
3.1 Проблемы, связанные с оценкой компетентности специалиста и привлечением стороной защиты специалиста в области права.....	36
3.2 Заключение специалиста как доказательство и проблемы его использования в доказывании по уголовным делам	41
Заключение	53
Список используемой литературы и используемых источников	59

Введение

Актуальность исследования. Каждое уголовное дело имеет свои особенности и в современном мире таковые часто сопряжены со сферами, выходящими за рамки обыденных знаний, которыми обладают среднестатистические граждане, включая таких участников уголовного судопроизводства, как следователь, дознаватель, суд.

Для того, чтобы правильно обнаружить и изъять следы преступления, определить механизм его совершения, выявить наличие объективных признаков преступления в деянии обвиняемого, должностным лицам, от которых зависит принятие процессуальных решений по делу, может потребоваться обращение к специальным знаниям, которых они не имеют, либо которых явно недостаточно в конкретной ситуации. Носителем таких знаний является отдельный субъект уголовного процесса, отнесённый законодателем к числу иных участников уголовного судопроизводства в главе 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ [41] (УПК РФ), именуемый «специалист».

Преодоление «монополии» властных процессуальных субъектов на обращение к специальным знаниям, открыли новые возможности для стороны защиты, но и создали ряд проблем, которые не находят однозначного отношения и решения в науке и практике.

Так, суды крайне редко признают заключение специалиста, возникающее в процессе по инициативе стороны защиты, допустимым доказательством, что во многом нивелирует значение имеющихся процессуальных возможностей, основанных на состязательных началах российского уголовного процесса.

Во многом, данная ситуация обуславливается недостаточно чёткой нормативной регламентацией, создающей простор для неоднозначных мнений и выводов как со стороны учёных, так и со стороны практиков, осуществляющих расследование и разрешение конкретных уголовных дел.

В уголовно-процессуальном регулировании также имеет место много недостатков, связанных с регламентацией как самого процессуального положения анализируемого участника уголовного судопроизводства, так и процессуального документа, связанного с его участием – заключения специалиста, которому с некоторых пор законодатель придал статус полноценного уголовно-процессуального доказательства.

Сказанное обуславливает повышенную актуальность данной темы исследования и предопределяет необходимость совершенствования существующего уголовно-процессуального регулирования вопросов, связанных с использованием специальных знаний в производстве по уголовным делам.

Цель работы: проанализировать особенности процессуального положения специалиста как участника российского уголовного судопроизводства.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие и дать общую характеристику специальных знаний и субъектов, наделённых таковыми в рамках производства по уголовному делу;
- обозначить особенности процессуального положения отдельных категорий специалистов;
- обозначить права, обязанности и ответственность специалиста в уголовном процессе;
- рассмотреть актуальные проблемы, связанные с участием специалиста в производстве по уголовному делу.

Объект исследования: процессуальные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве в ходе применения специальных знаний.

Предмет исследования: положения действующего УПК РФ, а также материалы правоприменительной практики, касающиеся использования в уголовно-процессуальной деятельности специальных знаний в различных формах.

Методология исследования: исследование основано на широком комплексе частных и общих методов научного познания, которые позволяют достичь исследовательской цели и поставленных задач на оптимальном уровне.

Степень разработанности темы исследования. Данная тема работы разрабатывалась в трудах таких исследователей как: И.В. Абросимов, Н.В. Азаренок, Е.П. Гришина, А.М. Зинин, В.Н. Махов, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, А.П. Рыжаков, З.И. Соколовский, А.А. Экзархопуло и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и общая характеристика категорий «специальные знания» и «специалист» в уголовном процессе России

1.1 Понятие и содержание специальных знаний

Специальные знания в уголовном судопроизводстве, без сомнений, можно считать одной из важных категорий, создающих основу для качественной организации процессуальной деятельности, связанной с эффективным доказыванием и достижением, в конечном итоге, назначения уголовного судопроизводства.

Тем не менее, нормативно в числе основных понятий, данная категория не нашла своего определения в нормах УПК РФ, что обуславливает наличие соответствующих подходов в науке уголовно-процессуального права.

«Специальные знания – это знания, которые не являются общеизвестными, общедоступными» [48, с. 91] – писал А.А. Эйсман.

Здесь специальные знания верно дифференцированы автором по распространённости и объективной доступности таких сведений широкому кругу непрофессиональной аудитории.

Сходное определение формулируется другим автором, который под таковыми понимает знания, «которые находятся за пределами общеизвестных обобщений, вытекающих из опыта людей» [40, с. 269].

В ещё одном определении указывается на то, что данные знания «выходят за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта» [30, с. 12] – пишет Ю.К. Орлов.

Обозначим более содержательные попытки определить понятие специальных знаний в уголовном процессе.

«Специальные знания – это совокупность сведений, полученных в результате профессиональной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области» [37, с. 202] – указывается З.И. Соколовским.

Тем не менее, нельзя сводить получение профессиональных знаний исключительно к процессу обучения. Такие могут быть получены и в ходе практической деятельности в определённой сфере. Кроме того, не каждое направление деятельности предполагает получение специального образования – по отдельным направлениям, основанными на сугубо практическом аспекте, может вообще отсутствовать возможность прохождения специального обучения.

«Профессиональность предполагает определенную подготовку, которой предшествует освоение теоретических основ, необходимых для понимания закономерностей, изучаемых той или иной областью науки и техники» [12, с. 21] – отмечается отдельными исследователями.

Т.В. Сахнова определяет специальные знания как «всегда научные знания неправового характера, сопровождаемыми адекватными (признанными) прикладными методиками» [34, с. 8].

Ещё один автор определяет специальные знания как «знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством» [22, с. 46].

В качестве специальных знаний А.А. Ярков называет «профессиональные знания, которыми располагает субъект, привлекаемый в качестве специалиста» [50, с. 127].

В данном кратком определении присутствует указание на носителя специальных знаний применительно к уголовно-процессуальной деятельности, в качестве которого автор называет специалиста. Но не только специалист при производстве по уголовным делам обладает специальными знаниями – эксперт, как участник уголовного судопроизводства тоже является носителем специальных знаний, но использует их в иных процессуальных формах. Соответственно, указывая на носителя специальных знаний, лучше

использовать обобщающую категорию, включающую в себя как специалиста, так и эксперта. Таковой выступает категория «сведущее лицо», используемая в науке и практике уже не одно столетие.

Е.Р. Россинская содержательно определяя специальные знания в процессуальных отраслях указывает: «специальные знания – это система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе осуществления судопроизводства» [32, с. 16].

Примечательно, что в данном определении автором указана принадлежность специальных знаний к областям науки, техники искусства или ремесла, что созвучно подходу, который содержится в ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [46], правда, применительно к понятию судебной экспертизы. Тем не менее, сущность специальных знаний, как видится, не меняется в зависимости от принадлежности таковых специалисту, или же эксперту.

Опираясь на изложенное, можно выделить ряд критериев, которым должны отвечать специальные знания в уголовном процессе и сформулировать соответствующее определение, отразив таковое в ст. 5 УПК РФ: «специальные знания – это комплекс теоретических знаний, а также взаимосвязанных с ними практических навыков, в сфере науки, техники, искусства, ремесла, приобретаемых в результате обучения, или процессе осуществления профессиональной деятельности, носителем которого в уголовном судопроизводстве является сведущее лицо».

Несмотря на то, что носитель таких знаний – сведущее лицо, не сводится исключительно к специалисту, как участнику уголовного судопроизводства, в рамках исследуемой темы уделим внимание именно этому субъекту.

Соответственно, в анализе нуждаются вопросы, связанные с определением понятия специалиста, отражающего содержание его уголовно-

процессуального статуса, а также вопросы, связанные с возможными формами использования специальных знаний, адресованных данному субъекту.

Таким образом, категория «специальные знания» в УПК РФ в числе основных понятий не нашла своего определения, что обуславливает наличие соответствующих подходов в науке уголовно-процессуального права.

Нормативное определение данной категории, сформулированное в ст. 58 УПК РФ, многие авторы не находят удачным и исчерпывающим в плане определения всех значимых характеристик, определяющих специалиста, как носителя соответствующего уголовно-процессуального статуса.

1.2 Понятие специалиста и формы использования им специальных знаний в уголовном процессе

Нормативное определение специалиста, как субъекта уголовного процесса, сформулировано в нормах действующего УПК РФ. Данному участнику уголовного судопроизводства посвящена ст. 58 УПК РФ, которая определяет специалиста как «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Но данное определение многие авторы не находят удачным и исчерпывающим в плане определения всех значимых характеристик, определяющих специалиста, как носителя соответствующего уголовно-процессуального статуса.

Отдельные специалисты констатируют, что вышеназванное нормативное определение «во-первых, не охватывает ряд существенных направлений деятельности специалиста как участника уголовного

судопроизводства, а во-вторых, содержит некоторые неточности в обозначении вышеуказанных направлений» [7, с. 40], призывая коллег к дальнейшей нормотворческой работе по совершенствованию данного определения.

О необходимости уточнения нормативного определения специалиста также пишет О.В. Добровлянина, которая считает, что «целесообразно установить, что это родовое понятие, и в уголовном деле могут участвовать разные специалисты в зависимости от цели деятельности (с перспективой дифференциации специальных знаний), в некоторых случаях по инициативе не только стороны обвинения, но и стороны защиты» [11, с. 430], при этом, свои предложения по формулировке данной категории автор не предлагает.

«Специалист – это всегда обладающее определенными, выходящими за пределы общеизвестных для следователя знаниями физическое лицо, вызванное (приглашенное) для оказания помощи при производстве и (или) подготовке к проведению процессуального действия, а равно оказывающее такую помощь» [33, с. 35] – определяет данного участника уголовного судопроизводства А.П. Рыжаков.

Как пишет Е.А. Семёнов, «процессуальный статус специалиста всегда возникает не в силу объективного наличия у индивида специальных знаний, а в силу того, что данное лицо привлекается к процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу в силу наличия у соответствующего субъекта (следователя, дознавателя, суда) властных полномочий» [35, с. 51].

При этом, как отмечается в науке, «инициатива вовлечения конкретного лица в процесс производства по уголовному делу может исходить как от стороны обвинения, которая осуществляет вызов специалиста, так и от стороны защиты, которая вправе заявить соответствующее ходатайство» [49, с. 23].

Отдельные авторы указывают на такой признак, характеризующий специалиста и отсутствующий в нормативном определении, как «его независимость и компетентность» [43, с. 9].

Обоснованность включения такого критерия, действительно подтверждается нормативно, поскольку имеет место в ст. 71 УПК РФ в виде нормативного положения об отводе специалиста по единым с экспертом обстоятельствам, которые можно условно свести к независимости (незаинтересованности в исходе дела), а также профессиональной компетентности.

Таким образом, специалистом следует считать компетентное, не заинтересованное в исходе дела физическое лицо, обладающее специальными знаниями, вызванное (приглашенное) в порядке, установленном УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в сферу его профессиональной компетенции в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу.

В соответствии с положениями ст. 58, 168 УПК РФ, специалист использует свои знания и навыки для оказания содействия (в широком смысле) при производстве по уголовному делу.

Как следует непосредственно из текста ст. 58 УПК РФ, законодатель имеет в виду две фактические разновидности специалиста.

Представитель первой разновидности – специалист, привлекаемый следователем или дознавателем к производству отдельных мероприятий, связанных с проверкой сообщения о преступлении, или производством отдельных следственных и иных процессуальных действий в контексте выявления и расследования преступления. Как правило, такой специалист является сотрудником правоохранительной системы. Его роль состоит в максимальном повышении качества работы, связанной с выявлением и эффективным расследованием преступлений.

Представитель второй разновидности – лицо, обладающее специальными знаниями, о допуске которого защитником заявляется

соответствующее ходатайство. Данное лицо, в силу наличия у него специальных знаний, которые требуются в конкретном деле для восполнения пробела в таковых у властных участников уголовного судопроизводства (в том числе суда, как ключевого субъекта уголовно-процессуальной деятельности), чтобы они могли верно разобраться в ситуации и вынести обоснованные процессуальные решения.

Относительно форм использования специальных знаний в науке высказываются разные позиции. Так, есть мнение, что используемые в практике расследования преступлений формы использования специалистом своих специальных знаний можно разделить на процессуальные и непроцессуальные формы.

Данная точка зрения у отдельных исследователей вызывает критическое отношение, так как, по их мнению, такое определение «равнозначно их незаконности» [9, с. 58].

Однако, в данном случае всё находится в зависимости от толкования содержания данных понятий. Сторонники обозначенной классификации исходят из того, что процессуальная форма использования специальных знаний предполагает формирование результата, имеющего предусмотренную УПК РФ процессуальную форму, что обуславливает возможность использования данного результата в процессе доказывания.

Исходя из этого, «к процессуальной форме использования специальных знаний относится подготовка специалистом заключения (п. 3 ст. 80 УПК РФ), а также дачу показаний данным участником уголовного судопроизводства (п. 4 ст. 80 УПК РФ), касательно обстоятельств, требующих специальных познаний, а также для разъяснения своего мнения. Процессуальный результат такого использования специальных знаний может быть использован в качестве доказательства по уголовному делу, поскольку заключение и показания специалиста предусмотрены в данном качестве в ч. 2 ст. 74 УПК РФ» [23, с. 39].

Иные формы именуют непроцессуальными, поскольку их реализация специалистом к формированию обозначенного выше результата не приводит и такой результат имеет не доказательственное, а иное, хотя и не менее важное для результатов расследования значение.

При этом, данные формы использования специалистом своих знаний и навыков урегулированы как в нормах УПК РФ, так и в положениях отдельных нормативно-правовых документов – например, Федеральном законе от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [44].

К числу данных форм авторы относят деятельность специалиста, связанную с оказанием содействия следователю в производстве проверки сообщения о преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Также, как указывается в комментариях к УПК РФ, «в соответствии с нормативными положениями ст. 168 УПК РФ, следователю адресовано правомочие привлечь к участию в любом следственном действии специалиста» [20, с. 108].

Иногда, когда соответствующий императив закреплён процессуальной нормой, обеспечение участия специалиста при производстве того, или иного следственного действия обязательно. Например, такая обязательность закреплена ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ.

Также отдельные авторы указывали ещё в период действия советского уголовно-процессуального законодательства на возможность использования специальных знаний анализируемого участника процессуальной деятельности «в общеупотребительном, а не уголовно-процессуальном смысле, когда роль специалиста заключается в консультировании и иной помощи, оказываемой вне следственных действий» [8, с. 90].

Таковую форму ещё называют справочно-консультационной, что отражает её содержание и значение, применительно к расследованию преступлений.

Есть мнение, что в обозначенной форме специальные знания также могут быть использованы при привлечении специалиста «для оказания помощи оперативным работникам, следователям в получении информации

ориентирующего характера, необходимой для результативного проведения оперативно-розыскных мероприятий и последующего принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также для принятия следователем решения о проведении тех или иных следственных действий» [49, с. 61].

В непроцессуальной форме специалист может оказывать помощь оперативным работникам при осуществлении ОРД.

Как верно пишет В.Р. Гайнельзянова, «участие специалистов, как правило, повышает эффективность следственных действий, делает их более целенаправленными и полными, а непосредственное применение специальных знаний расширяет объем и повышает качество полученных фактических данных, позволяет более полно и всесторонне оценить взаимосвязь предметов и явлений, имеющих значение для дела» [9, с. 59].

Очевидно, что существующие формы использования анализируемым субъектом уголовно-процессуальной деятельности своих специальных знаний позволяют повышать уровень и качество расследования по уголовным делам, обеспечивать применение современных средств и методов выявления следов преступлений, учитывать специфику следственных ситуаций, восполнять недостаток или отсутствие специальных знаний у лиц, ответственных за принятие процессуальных решений, что создаёт дополнительное обоснование принимаемых решений.

Таким образом, относительно форм использования специальных знаний в науке высказываются разные позиции. Так, есть мнение, что используемые в практике расследования преступлений формы использования специалистом своих специальных знаний можно разделить на процессуальные и непроцессуальные формы.

К процессуальным формам относят подготовку заключения и дачу показаний, поскольку такое использования специальных знаний предполагает формирование результата, имеющего предусмотренную УПК РФ процессуальную форму, что обуславливает возможность использования данного результата в процессе доказывания.

Иные же формы использования специальных знаний анализируемым участником уголовного судопроизводства именуют непроцессуальными, поскольку их реализация к формированию обозначенного выше результата не приводит и такой результат имеет не доказательственное, а иное, хотя и не менее важное для результатов расследования значение: оказание содействия следователю в производстве проверки сообщения о преступлении, участие в производстве следственного действия, справочно-консультативная помощь и т.д.

1.3. Сравнительная характеристика специалиста и эксперта как участников уголовного судопроизводства

Специальные знания занимают важное место в процессе познания события преступления и формирования таким образом доказательственной базы, что предопределяет возможность использования таковых в разных уголовно-процессуальных формах. Так, законодатель к числу субъектов, наделённых специальными знаниями, относит не только специалиста, но и эксперта.

Законодательное определение данного участника уголовного судопроизводства определено в ч. 1 ст. 57 УПК РФ: «Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения».

В отличие от специалиста, назначение которого сводится к использованию специальных знаний в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, а также постановке вопросов эксперту и разъяснению сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, назначение эксперта – производство судебной экспертизы, в основе которой также лежат специальные знания.

Безусловно, анализируемые участники уголовного судопроизводства не дублируют и подменяют друг друга – каждый из них обладает самостоятельным статусом, а отличия их процессуального положения просматриваются непосредственно в уголовно-процессуальном регулировании.

Как пишет Е.А. Семёнов, «первичное и ключевое различие между экспертом и специалистом как состоит в том, что эксперт проводит исследование, результаты которого включаются в дальнейшем в экспертное заключение, в то время как специалист никакого исследования не проводит, а лишь осуществляет помощь следователю или дознавателю (как специалист-криминалист), либо формулирует свои суждения, основанные на специальных знаниях, в заключении специалиста и помогает тем самым сторонам и суду компенсировать нехватку специальных знаний» [35, с. 35].

Если регламентация участия специалиста в уголовном процессе имеет фрагментарный характер, то производству судебной экспертизы посвящена отдельная глава 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы».

Заключение эксперта – процессуальный документ, составляемый в точном соответствии с требованиями закона (ст. 204 УПК РФ).

Что касается порядка оформления суждений специалиста законодатель не уделил должного внимания данному вопросу – установленных требований к выводам специалиста действующим законодательством не предусмотрено.

С положениями УПК РФ, касающимися судебной экспертизы, органично связан отдельный Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [46], положения которого касаются как статуса самого эксперта и судебно-экспертного учреждения, так и особенностей производства различных судебных экспертиз.

В данном законодательном акте сформулировано отдельное общее нормативное определение государственного судебного эксперта: «Государственным судебным экспертом является аттестованный работник

государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей».

Всё, что связано с назначением и производством судебной экспертизы, законодателем строго регламентировано, в то время как большая часть вопросов, связанных с участием специалиста в уголовном процессе не урегулирована и либо носит диспозитивный характер, либо является своего рода пробелом в регулировании, мешающим формированию единообразной правоприменительной практике.

Как отмечается отдельными авторами, «чаще всего по уголовным делам экспертами выступают специалисты, работающие в государственных судебно-экспертных учреждениях и имеющие соответствующую аттестацию» [23, с. 40].

К специалистам подобные требования не предъявляются.

Тот комплекс прав и обязанностей, который адресован эксперту, как участнику процесса, гораздо и существеннее шире, аналогичного комплекса, адресованного законодателем специалисту. Это связано с тем, что приоритетом обладает именно экспертная деятельность, которая является превалирующей формой использования специальных знаний.

Более широкий спектр прав и обязанностей эксперта органично дополняется более широкой ответственностью. Как верно подчёркивается исследователями, «эксперт несет персональную ответственность за полноту выводов, применение способов и методик проводимого им исследования. Если в процессе экспертного исследования объект может изменить свои свойства или подвергнуться полному, или частичному уничтожению, эксперт обязан проинформировать об этом должностное лицо или орган, назначившие экспертизу, и только после получения разрешения на такого рода исследования проводить их и т.д.» [49, с. 35]

Если в соответствии со ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации [42] (УК РФ) эксперт может быть привлечён к уголовной

ответственности как за заведомо ложное заключение, так и за заведомо ложные показания, то специалист – лишь за заведомо ложные показания.

В заключении первой главы работы можно подвести следующие итоги.

Специалистом следует считать компетентное, не заинтересованное в исходе дела физическое лицо, обладающее специальными знаниями, вызванное (приглашенное) в порядке, установленном УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в сферу его профессиональной компетенции в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу.

Очевидно, что существующие формы использования анализируемым субъектом уголовно-процессуальной деятельности своих специальных знаний позволяют повышать уровень и качество расследования по уголовным делам, обеспечивать применение современных средств и методов выявления следов преступлений, учитывать специфику следственных ситуаций, восполнять недостаток или отсутствие специальных знаний у лиц, ответственных за принятие процессуальных решений, что создаёт дополнительное обоснование принимаемых решений.

К процессуальным формам относят подготовку заключения и дачу показаний, поскольку такое использования специальных знаний предполагает формирование результата, имеющего предусмотренную УПК РФ процессуальную форму, что обуславливает возможность использования данного результата в процессе доказывания.

Иные же форме использования специальных знаний анализируемым участником уголовного судопроизводства именуют непроцессуальными, поскольку их реализация к формированию обозначенного выше результата не приводит и такой результат имеет не доказательственное, а иное, хотя и не менее важное для результатов расследования значение: оказание содействия

следователю в производстве проверки сообщения о преступлении, участие в производстве следственного действия, справочно-консультативная помощь.

В ст. 58 УПК РФ имеется в виду две разновидности специалиста.

Представитель первой разновидности, как правило, является сотрудником правоохранительной системы. Его роль состоит в максимальном повышении качества работы, связанной с выявлением и эффективным расследованием преступлений.

Представитель второй разновидности – лицо, обладающее специальными знаниями, о допуске которого защитником заявляется соответствующее ходатайство. Данное лицо, в силу наличия у него специальных знаний, которые требуются в конкретном деле для восполнения пробела в таковых у властных участников уголовного судопроизводства (в том числе суда, как ключевого субъект уголовно-процессуальной деятельности), чтобы они могли верно разобраться в ситуации и вынести обоснованные процессуальные решения.

Тот комплекс прав и обязанностей, который адресован эксперту, как участнику процесса, гораздо и существеннее шире, аналогичного комплекса, адресованного законодателем специалисту. Это связано с тем, что приоритетом обладает именно экспертная деятельность, которая является превалирующей формой использования специальных знаний.

Использование в процессе расследования преступления знаний, носителем которых является специалист, остаётся хотя и важной, но альтернативой экспертным знаниям, оставляя простор для толкований и диктуя необходимость последовательного совершенствования имеющегося регулирования.

Глава 2 Особенности процессуального положения специалиста в уголовном процессе России

2.1 Права, обязанности и ответственность специалиста в уголовном процессе

Основу процессуального статуса специалиста являются его права, обязанности и ответственность, отраженные законодателем в ст. 58 УПК РФ. Содержание обозначенных в ч. 3 ст. 58 УПК РФ правомочий обусловлено самой природой данного участника уголовного процесса, призванного оказать содействие достижению назначения уголовного судопроизводства посредством применения специальных знаний, которых лишены остальные участники – в первую очередь имеющие властные полномочия.

Правомочия, сформулированные в п. 1 и п. 2 ч. 3 ст. 58 УПК РФ, как видится, направлены на наиболее качественное участие в производстве по конкретному уголовному делу, так как позволяют специалисту понять, обладает ли он необходимыми в конкретной правовой ситуации знаниями, ради применения которых его вовлекают в уголовное судопроизводство, а также позволяют вникнуть в содержание данной правовой ситуации. В п. 3 и п. 4 ч. 3 ст. 58 УПК РФ законодатель выделяет правомочия, связанные с возможностью выражения активной позиции по делу, включая обжалование действий (бездействия) и решений властных субъектов. Уделим внимание более подробному анализу данных правомочий.

Так, специалист вправе «отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями» (п. 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ).

Е.А. Травкин в отношении данного правомочия пишет о том, что «речь ведется не о любом отказе от участия в производстве по уголовному делу, а лишь о том к которому имеются предусмотренные законом фактические основания» [39, с. 398].

Специалист вправе «задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда» (п. 2 ч. 3 ст. 58 УПК РФ).

В науке по данному поводу высказывается следующее мнение: «вопрос может быть задан и в письменной форме, когда участвующий в процессуальном действии специалист ходатайствует о фиксации вопроса сначала в протоколе следственного действия (на ином носителе информации), а затем задает его путем предоставления допрашиваемому лицу возможности прочитать текст вопроса, записанного в протоколе следственного действия (на ином носителе информации)» [38, с. 56].

Тем не менее, вопросы участникам следственного действия, конечно же, по общему правилу задаются устно.

«Данные вопросы могут носить лишь технический характер, относиться к тому процессуальному действию, в котором специалист участвовал, и не носить характера допроса обвиняемого, потерпевшего и свидетеля» [20, с. 109] – пишут по анализируемому вопросу.

В п. 3 ч. 3 ст. 58 УПК РФ находит своё закрепление право специалиста «знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол».

Как отмечает В.В. Пастухова, «в отличие от других участников уголовного процесса законодатель специалисту предоставляет право делать заявления и (или) замечания безотносительно от предмета самих замечаний» [31, с. 69].

В п. 4 ч. 3 ст. 58 УПК РФ обозначено последнее в указанном ряду правомочие специалиста: «приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права».

Принесение данных жалоб должно осуществляться в соответствии с положениями главы 16 УПК РФ.

«Право специалиста произвести обжалование процессуальных действий и решений должностного лица в связи с его участием в уголовном судопроизводстве возникает не только по существу ограничения прав специалиста, но и тогда, когда таковые затрагивают его интересы» [12, с. 23] – пишут отдельные исследователи.

Обязанностям и ответственности специалиста как участника уголовно-процессуальной деятельности посвящены положения, включённые законодателем в ч. 4 ст. 58 УПК РФ.

Законодатель сформулировал обязанности используя подход, при котором в диспозиции статьи указывается, что субъект не должен делать, а не наоборот – что делать обязан.

Таким образом, первичная и классическая по своему содержанию обязанность, адресованная специалисту, касается запрета уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Данная обязанность направлена на обеспечение нормального хода расследования и отсутствия его необоснованного затягивания. Вывод отдельных авторов о том, что «сомнения лица, вызываемого в качестве специалиста в том, что он обладает соответствующими специальными познаниями, могут освободить его от явки» [1, с. 52].

В подобной правовой ситуации по данному основанию лицо может выразить отказ после явки к должностному лицу.

Что касается обязанности не разглашать «данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса» (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), то таковая направлена на сохранение тайны предварительного расследования, которая выступает одной из гарантий обеспечения эффективности расследования.

Как указывает А.П. Липинский, «участники досудебного производства получают информацию в процессе участия в производстве процессуальных и

следственных действий, которая составляет следственную тайну и не может быть разглашена до рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании. Участники досудебного производства, с учетом процессуального положения, обладают определенным доступом к материалам доследственной проверки и материалам уголовного дела» [21, с. 911].

Таковыми могут выступать разные сведения, в том числе, включая адресованную специалисту информацию о содержании, ходе и результатах процессуального действия, в котором он принял непосредственное участие в соответствующем процессуальном качестве.

Ключевым элементом гарантирования защиты тайны предварительного расследования выступает возможность привлечения лица, предавшего огласке конфиденциальную информацию, к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, при условии официального, письменного предупреждения лица (в данном случае специалиста) о возможности наступления такой ответственности со стороны следователя или дознавателя, в чьем производстве находится уголовное дело.

Относительно тайны предварительного расследования в исследуемом контексте в науке обсуждается отдельная проблема.

Так, в литературе указывается, что «одним из препятствий в реализации правомочия защитника на получение помощи сведущего лица является несовершенство действующего механизма правового регулирования ситуации, когда предупрежденному об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ защитнику для того, чтобы привлечь специалиста и не разгласить при этом данные предварительного расследования, необходимо получить от последнего письменное обязательство о неразглашении указанных сведений (п. 2 ч. 6 ст. 161 УПК РФ)» [35, с. 95].

Но такой возможности у адвоката-защитника нет – она находится в исключительной компетенции субъектов, наделённых властными полномочиями.

Таким образом, изначально именно адвокат-защитник должен обратиться к лицу, осуществляющему расследование уголовного дела с ходатайством об отобрании подписки у соответствующего специалиста.

Следует согласиться с высказанным в науке предложением «прямо обязать следователя (дознателя) удовлетворить поступившее к нему ходатайство защитника о разъяснении указанному им специалисту уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ в порядке и в сроки, предусмотренные ст. 121 и 122 УПК РФ» [2, с. 63].

Также целесообразно обозначить срок реализации данного решения со стороны должностного лица – например, в пределах пяти суток со дня вынесения.

Можно предложение дополнить ст. 159 УПК РФ ч. 2.3: «Защитнику не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о разъяснении указанному им специалисту уголовной ответственности по статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации. Принятое об этом решение в порядке и в сроки, предусмотренные статьями 121 и 122 настоящего Кодекса, подлежит исполнению следователем, дознавателем в течение пяти суток со дня его вынесения. В случае неявки без уважительной причины своевременно извещенного о месте и времени специалиста исполнение принятого следователем, дознавателем решения осуществляется в общем порядке в пределах сроков предварительного расследования».

Отдельные авторы указывают на наличие проблемы, связанной с «отсутствием в законе указания на момент окончания действия запрета о разглашении данных предварительного расследования» [3, с. 121].

Примечательно, что на основании ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения специалиста привлечь фактически нельзя, так как диспозиция уголовно-правовой нормы предполагает возможность уголовной ответственности специалиста только за дачу заведомо ложных показаний, но не за дачу заведомо ложного заключения (в отличие от эксперта).

В этой связи следует поддержать высказываемые отдельными авторами предложения о внесении изменений в ст. 307 УК РФ, устраняющие вышеназванный пробел [25, с. 132].

Как представляется, комплекс прав и обязанностей специалиста является довольно кратким, что обуславливается характером участия такового в уголовно-процессуальной деятельности.

Специалист не имеет личного интереса в исходе дела и на него, тем более, не направлено уголовное преследование – поэтому круг правомочий и обязанностей достаточно узкий и включает в себя лишь самые основные, что является обоснованным.

Ответственность специалиста ограничена лишь вопросом следования процессуальным процедурам, а также исполнением ключевой обязанности – сохранять тайну предварительного расследования.

Таким образом, специалист не имеет личного интереса в исходе дела и на него, тем более, не направлено уголовное преследование – поэтому круг правомочий и обязанностей достаточно узкий и включает в себя лишь самые основные, что является обоснованным. Ответственность специалиста ограничена лишь вопросом следования процессуальным процедурам, а также исполнением ключевой обязанности – сохранять тайну предварительного расследования. Вопрос же регламентации ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ нуждается в дополнительной проработке, предполагающей внесение соответствующих изменений в текст ст. 307 УК РФ.

2.2 Особенности участия специалиста-криминалиста в уголовно-процессуальной деятельности

Говоря об особенностях участия специалиста, следует отметить, что законодатель не всегда последователен в формулировках, которыми он сопровождает процессуальную регламентацию. Так, законодатель в ряде норм

УПК РФ говорит о вызове специалиста, в то время, как в ряде других положений УПК РФ речь идёт о привлечении специалиста. Таким образом, присутствует определённая терминологическая рассогласованность.

Как отмечается в публикациях, несмотря на нечёткость нормативных положений, «следует говорить о наличии у следователя права вызывать специалиста-криминалиста. Данное право предопределено не только положениями ч. 2 ст. 58 УПК РФ, но и закреплённым в ч. 4 ст. 58 УПК РФ правилом, запрещающим специалистам уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд. Наличие у специалиста обязанности явиться по вызову следователя предполагает присутствие у последнего права вызвать специалиста» [33, с. 47].

Поскольку вызов специалиста-криминалиста соответствующим должностным лицом подкрепляется возможностью применения государственного принуждения, в литературе отмечается, что у данного лица «может быть взято обязательство о явке. В случае неявки лица, приглашаемого в качестве специалиста, по вызову без уважительных причин, он может быть подвергнут приводу. Кроме того, неявка такого лица по вызову может иметь следствием наложение на специалиста денежного взыскания в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ» [35, с. 49].

Действительно, ч. 2 ст. 111 УПК РФ прямо закрепляет такую процессуальную возможность.

Как отмечается в публикациях, «специалист-криминалист может быть привлечён, в том числе, на этапе возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении, в порядке ст. 144 УПК РФ, равно, как и на этапе предварительного расследования, где помощь сведущего лица востребована в максимальной мере» [12, с. 37].

С данным суждением следует согласиться, учитывая специфический характер содержания этапа предварительного расследования в досудебном производстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

При этом, нельзя не обратить внимание на то, что законодатель допускает противоречие, формулируя ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Дело в том, что специалист не производит исследований в рамках его привлечения к производству по делу в анализируемом процессуальном статусе. И об этом уже было ранее сказано. Несмотря на этот факт, законодатель по непонятной причине, в вышеназванной процессуальной норме говорит о специалисте, применительно к исследованию документов или предметов. Очевидно, что исследовать их он, исходя из особенностей данной формы использования специальных знаний в уголовном процессе, не может – исследование является компетенцией эксперта, исходя из процессуальной регламентации.

Положениями ст. 168 УПК РФ, следователю адресовано правомочие привлечь к участию в следственном действии специалиста, в задачи которого, применительно к его участию в следственных действиях, исходя из содержания ч. 1 ст. 58 УПК РФ, входит содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, а также применении технических средств.

То есть, исходя из смысла и содержания вышеназванных оборотов, использованных законодателем, данная категория специалистов – это, как

правило, сотрудники правоохранительной системы, наделённые знаниями, связанными со спецификой расследования отдельных категорий преступлений, вовлекаемые в процесс производства по делу следователями для повышения эффективности производства отдельных следственных действий, а также качества расследования в целом.

Как верно указывается в науке, «велика роль специалиста-криминалиста в изъятии различных следов преступлений, включая побочные следы преступной деятельности, выявление которых является затруднительным и требует навыки использования специальной криминалистической техники, а также методик выявления следов преступления, которыми может не владеть непосредственно сам следователь. Специалист-криминалист также может принимать непосредственное участие в фиксации хода и результатов производства следственного действия» [31, с. 68].

Наличие специальных знаний у соответствующего специалиста-криминалиста, как правило, предопределяется родом его деятельности в правоохранительных органах. Это может быть специалист-взрывотехник, баллистик и т.д.

Возможность полноценного и профессионального использования средств криминалистической техники является одним из ключевых преимуществ вовлечения следователем специалиста-криминалиста при производстве следственных действий – как на этапе возбуждения уголовного дела, так и уже непосредственно в расследовании.

Многочисленные образцы современной криминалистической техники постоянно развиваются и совершенствуются, требуя от правоохранительных органов наличия профессиональных навыков наиболее эффективного их использования.

Безусловно, «выбор принципиально новых технико-криминалистических средств, приборов, оборудования и их использование позволяет раскрывать преступления не только в кратчайшие сроки по горячим следам, но и преступления прошлых лет» [30, с. 17].

С учётом обилия следственной работы, следователю или дознавателю крайне сложно быть специалисту во всём – на практике это практически невозможно, что актуализирует делегирование работы с криминалистической техникой профессионалу в лице специалиста-криминалиста.

Данная категория специалистов не формулирует свои суждения в виде заключения специалиста, а оказывает непосредственную помощь в производстве процессуальных действий, результатом которых становится получение новых доказательств, позволяющих эффективно расследовать преступление и привлечь виновных к ответственности.

Таким образом, роль специалиста-криминалиста в уголовном судопроизводстве несомненно велика. Исходя из смысла и содержания оборотов, использованных законодателем, данная категория специалистов – это, как правило, сотрудники правоохранительной системы, наделённые знаниями, связанными со спецификой расследования отдельных категорий преступлений, вовлекаемые в процесс производства по делу следователями для повышения эффективности производства отдельных следственных действий, а также качества расследования в целом.

2.3 Особенности участия специалиста по инициативе стороны защиты

Что касается категории специалистов, вовлекаемых в процесс производства по делу на основании ходатайства защитника, то законодатель недостаточно чётко урегулировал данный аспект с точки зрения практики реализации, несмотря на то, что специальные знания в уголовном судопроизводстве, без сомнений, можно считать одной из важных категорий, создающих основу для качественной организации процессуальной деятельности, связанной с эффективным доказыванием.

Возможность вовлечения специалиста в процесс производства по уголовному делу стороной защиты базируется на правомочии, закреплённом

в УПК РФ: «привлекать специалиста в соответствии со статьёй 58 настоящего Кодекса» (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Анализируемое правомочие стороны защиты с момента своего появления в нормах УПК РФ, рисковало быть «юридической фикцией» – то есть быть номинальным.

Обозначим ряд моментов, имеющих значение в рассматриваемом аспекте. В частности, когда речь идёт о вовлечении в уголовный процесс специалиста следователем, в положениях ч. 2 ст. 168 УПК РФ указано, «следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность».

Применительно же к категории специалистов, вовлекаемых в процесс производства по уголовном делу по инициативе стороны защиты, вопрос определения компетентности специалиста остался не регламентированным, что потенциально создаёт проблему.

Определённые шаги законодателя, направленные на расширение возможностей стороны защиты по привлечению специалистов, были сделаны в 2017 г., когда в ст. 58 УПК РФ была введена ч. 2.1, в связи с чем может возникнуть обманчивое впечатление, что сторона защиты в полной мере самостоятельно оценивает профессиональную компетентность соответствующего лица.

Но в ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ содержится указание на исключение, позволяющее ходатайство стороны защиты оставить без удовлетворения – такое исключение законодатель связывает со в ст. 71 УПК РФ, посвящённой отводу специалиста. В ч. 2 ст. 71 УПК РФ, в свою очередь, содержится указание на то, что специалист не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если имеют место обстоятельства, перечисленные в ч. 2 ст. 70 УПК РФ, включающие в себя такое обстоятельство, как «обнаружившаяся некомпетентность» (п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

С учётом сказанного, несмотря на ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, провозглашающую обязанность удовлетворить почти всякое ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста, следователь легко может такое отклонить, сославшись на собственное субъективное мнение о некомпетентности лица в вопросах, требующих специальных знаний по данному уголовному делу.

Оценка компетентности соответствующего лица сложна и субъективна, особенно в тех случаях, когда речь идёт о специфических направлениях специальных знаний, подтвердить наличие которых с помощью диплома об образовании нельзя, или же, во всяком случае, достаточно сложно.

Таким образом, с одной стороны, адвокат-защитник может самостоятельно обратиться к сведущему (на его субъективный взгляд) лицу и предложить ему ответить на ряд вопросов, в интересах своего подзащитного, требующих специальных знаний в рамках заключения специалиста. Но, всё это до определённого момента остаётся за рамками уголовного судопроизводства, никак не влияя на его ход и результаты, пока соответствующее заключение не будет приобщено к материалам уголовного дела и не станет частью доказательственной базы.

Несмотря на то, что в ст. 159 УПК РФ, посвящённой обязательности рассмотрения ходатайств, в 2017 г. появилась новая ч. 2.2 содержащая запрет на отказ стороне защиты в приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов в качестве доказательства, указанная норма содержит важную оговорку: если обстоятельства, об установлении которых заявляется соответствующее ходатайство, «имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

То есть обязанность по приобщению к материалам уголовного дела заключения специалиста, вовлечённого в процесс производства по уголовному делу по инициативе стороны защиты, возникает лишь при условии, что обстоятельства, на установление которых направлено заключение специалиста, имеют значение для данного уголовного дела, а

оценка значения (имеется или не имеется, а если имеется, то существенное или не существенное) определяется исключительно лицом, проводящим расследование, с учетом его видения картины преступления, его знаний и опыта.

В данном случае можно также провести параллели с участием адвоката-защитника в доказывании в целом. Как следует из анализа положений, закреплённых в ст. 53 и ст. 86 УПК РФ, соответствующие полномочия адвокат-защитник может реализовать лишь опосредованно – через удовлетворение заявленных ходатайств, что в определённой мере нейтрализует процессуальный инструментарий защитника, направленный на эффективное участие в доказывании по уголовному делу в интересах своего доверителя.

Больше гарантий, связанных с реализацией полномочия защитника вовлекать в производство по уголовному делу специалиста в интересах подзащитного, имеет место уже в судебном производстве – когда заявляется ходатайство о приглашении специалиста непосредственно в судебное заседание для дачи показаний об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения, в соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РФ.

Здесь, как отмечается исследователями, «законодатель пошел на беспрецедентный шаг и закрепил в ч. 4 ст. 271 УПК РФ норму об обязательном допросе свидетеля и специалиста, явившегося в судебное заседание по инициативе сторон. Эта ситуация уникальна тем, что только в данном случае диспозитивному порядку разрешения ходатайств придается императивный характер» [24, с. 27].

Очевидно, что даже такое опосредованное вовлечение в процесс производства по делу сведущего лица стороной защиты является важным шагом в обеспечении состязательности процесса и расширяет процессуальный инструментарий стороны защиты.

В практике расследования преступлений активно используются результаты судебных экспертиз, но остаётся открытым вопрос фактической

состоятельности экспертных выводов, разобраться в которых не под силу тем участникам процесса, которые специальными знаниями не наделены.

Вполне очевидно, что оценка выводы эксперта, что отражены в соответствующем заключении, несведущему участнику процесса не представляется возможным. Для этого нужно, как минимум, обладать соответствующими специальными знаниями. В этой связи, актуальной и значимой для объективизации результатов расследования, является практика привлечения специалиста для анализа заключения судебной экспертизы и тех выводов, к которым пришёл эксперт.

Важно, что адвокат-защитник уже непосредственно в судебном разбирательстве, на основании ч. 4 ст. 271 УПК РФ может воспользоваться альтернативным и более действенным путём.

Таким образом, как отмечается отдельными авторами, «сторона защиты, несмотря на возражения государственного обвинителя, вынуждает суд критически исследовать заключение эксперта и нередко добивается назначения повторной судебной экспертизы, выводы которой могут расходиться с выводами первоначальной экспертизы, произведенной на стадии предварительного расследования» [24, с. 27].

Однако, нельзя не заметить, что несмотря на номинальную и во многом декларативную состязательность российского досудебного и судебного уголовного судопроизводства, стороны обвинения и защиты находятся в достаточно разных условиях реализации предоставленных законом правомочий, что и предопределяет поиск оптимальных путей их реализации стороной защиты. Одним из таких примеров является процедура вовлечения стороной защиты специалиста в процесс производства по уголовному делу.

В заключении второй главы работы подведём её итоги и сформулируем выводы.

Что касается специалиста-криминалиста, то данная категория специалистов может оказать значительную помощь в изъятии различных следов преступлений.

Возможность вовлечения в процесс производства по делу специалиста стороной защиты является важной процессуальной возможностью стороны защиты и средством усиления состязательности российского уголовного судопроизводства.

Но несмотря на определённые шаги законодателя, направленные на расширение возможностей стороны защиты по привлечению специалистов, реализации данного правомочия в досудебном производстве может активно воспрепятствовать сторона обвинения на основе субъективного мнения о недостаточной квалифицированности потенциального специалиста, или же на основании того, что обстоятельства, на установление которых направлено ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста, не имеют значения для данного уголовного дела.

Больше гарантий имеет место уже в судебном производстве – когда заявляется ходатайство о приглашении специалиста непосредственно в судебное заседание.

Но даже такое опосредованное вовлечение в процесс производства по делу сведущего лица стороной защиты является важным шагом в обеспечении состязательности процесса и расширяет процессуальный инструментарий стороны защиты.

Однако, стороны обвинения и защиты находятся в разных условиях реализации предоставленных законом правомочий, что и предопределяет поиск оптимальных путей их реализации стороной защиты. Одним из таких примеров является процедура вовлечения стороной защиты специалиста в процесс производства по уголовному делу.

Несмотря на номинальную и во многом декларативную состязательность российского досудебного и судебного уголовного судопроизводства, стороны обвинения и защиты находятся в достаточно разных условиях реализации предоставленных законом правомочий, что и предопределяет поиск оптимальных путей их реализации стороной защиты.

Глава 3 Актуальные проблемы, связанные с участием специалиста в уголовном процессе России

3.1 Проблемы, связанные с оценкой компетентности специалиста и привлечением стороной защиты специалиста в области права

Наибольшее число проблем на практике связано с вовлечением в процесс производства по уголовному делу специалиста по инициативе стороны защиты, как реализацией возможности, обозначенной в п. 3 ч. 1 ст. 58 53 УПК РФ.

Одним из очевидных препятствий для вовлечения в процесс производству по делу специалиста по инициативе стороны защиты выступает сомнение в профессиональной компетентности лица, которого сторона защиты желает вовлечь в производство по делу в качестве специалиста.

Как уже было отмечено ранее, несмотря на ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, провозглашающую обязанность удовлетворить почти всякое ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста, следователь легко может такое отклонить, сославшись на собственное субъективное мнение о некомпетентности лица в вопросах, требующих специальных знаний по данному уголовному делу.

Но каким именно образом должностное лицо должно проверить компетентность специалиста, на что должно обратить внимание и что положить в основу субъективного мнения о некомпетентности специалиста – законодатель не уточняет. Однако, это вопрос не простой: следователь, не обладая соответствующими специальными знаниями, вряд ли может доподлинно и объективно установить компетентность лица, о допуске которого ходатайствует защита. Единственным адекватным способом такой проверки, является анализ сведений, подтверждающих наличие специальных знаний.

Но всегда ли компетенция может быть подтверждена документом об образовании (высшем, дополнительном профессиональном и т.д.)?

Отдельные авторы утверждают, что «знания, которыми обладает лицо, могут и не предполагать наличия официального документа, что не означает, будто лицо не может быть привлечено к участию в деле в качестве специалиста. Так, дипломированный инженер в течение нескольких десятков лет увлекающийся филателией, изучающий специальную литературу, может дать заключение по вопросам, связанным с филателией» [13, с. 78].

С данным доводом можно согласиться. Подтверждением компетентности потенциального специалиста могут выступать документы об образовании, награды за достижения в соответствующей профессиональной сфере, сведения о научных публикациях в авторитетных научных изданиях и т.д.

Важно заметить, что законодатель не ограничивает сторону защиты сферой специальных знаний, которой владеет конкретный специалист, вовлекаемый в процесс производства по уголовному делу.

Однако, в науке и практике уже продолжительное время дискутируется вопрос о возможности отнесения отдельных направлений знаний к числу специальных, в том понимании, которое предопределяется возможностью использования таковых в доказывании, путём обращения к специалисту, формирующему на основе своих суждений соответствующее заключение. В частности, одним из самых обсуждаемых является вопрос отнесения юридических знаний к разряду специальных.

Данный вопрос вызывал и продолжает вызывать полемику. При этом, наиболее категорические позиции, отрицающие такую возможность, как правило, высказываются практиками – в частности, судьями, которые называют это «способом вмешательства в отправление правосудия, которое осуществляется под прикрытием доктринального заключения, которое пытаются приравнять к доказательству» [5, с. 40].

То есть, обращение стороны защиты к специальным знаниям в данной области понимается отдельными авторами в качестве слабо обоснованной попытки «поучать» следователя или суд.

Однако, такая позиция не является единственной и превалирующей. Отдельные авторы, например, А.М. Зинин, отмечают: «Правоприменительная практика показывает, что для принятия решения требуется не только найти необходимый нормативный акт, но и сопоставить его с другими, также регламентирующими определенную сферу деятельности. Субъекты правоприменения оказываются не в состоянии ориентироваться во всех аспектах постоянно изменяющегося отраслевого законодательства. Для правильного ее толкования нужно иметь специальную подготовку» [12, с. 23].

То есть, наличие юридического образования не является универсальным эталоном обладания всей полнотой юридических знаний по любым отраслям права, включая регулирование специфического спектра вопросов на уровне подзаконных нормативно-правовых документов.

Довод о том, что «доктринальное заключение разъясняет правоприменителям нормативные акты, которыми они обязаны владеть – профессионализм и компетенция данных субъектов права презюмируются их должностным положением и совестью» [5, с. 40] видится идеализированным и не отвечает реалиям юридической науки и правоприменительной практики.

Нельзя быть специалистом одновременно во всём, что касается права, учитывая обширность данной области. Это естественно и никоим образом не дискредитирует следователя, дознавателя или судью.

Кроме того, наличие учёной степени и звания у соответствующего специалиста в конкретной ситуации может позволить вникнуть в содержание ряда вопросов глубже. Общие, зачастую поверхностные, представления юриста-практика о вопросах, которые он ранее никогда специально не изучал, вряд ли можно сравнить по глубине и конкретизации со знаниями, которыми обладает доктор юридических наук, изучавший данный срез правовых вопросов в рамках своих научных исследований.

Если бы уровень юридических знаний у лица с высшим юридическим образованием был равен уровню юридических знаний лица, имеющего учёную степень, вряд ли можно было бы признать обоснованным выдачу такому лицу диплома о присуждении учёной степени кандидата или доктора юридических наук, свидетельствующего о достижении высшей ступени образования.

Особую сложность в практике, связанной с доказыванием по уголовным делам, также могут представлять коллизии, связанные с узкими вопросами отдельных отраслей и институтов права.

«Современная правоприменительная практика показывает, что в ряде случаев для ответов на возникающие вопросы недостаточно найти нужный нормативный акт и изучить его, но во многих случаях необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях в области современного законодательства» [12, с. 25] – верно резюмирует А.М. Зинин.

Такого рода помощь, как указывается известным специалистом в области судебной экспертизы Е.Р. Россинской, «решается путем получения консультаций специалистов в области права, результаты которых даются письменно и оформляются в виде заключения сведущего лица на основе юридических знаний специального характера» [32, с. 17].

Безусловно, недопустимо отождествлять знания специалиста, связанные с основами юридической науки (основами квалификации преступлений, основами общей теории права и т.д.) с юридическими знаниями, касающимися узкоспециализированных вопросов отраслевого законодательства, связанных с бланкетными уголовно-правовыми нормами.

Подобные вопросы могут потребовать глубокой научной проработки, основанной на комплексном научном анализе, учитывающем специфику проблемной ситуации, которую может быть под силу обеспечить на должном профессиональном уровне лишь специалисту, имеющему учёную степень в области юриспруденции и компенсировать таким образом недостаток знаний

в данном ограниченном круге вопросов у иных участников уголовного процесса.

К аналогичному выводу приходит А.Ю. Гарашко, который полагает, что нельзя относить к специальным знаниям лишь «общеизвестные знания и знания, входящие в курс профессиональной подготовки следователя, судьи и иных субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство (а не все юридические знания в целом)» [10, с. 19].

В пользу возможности отнесения юридических знаний к разряду специальных косвенно подтверждается в ст. 63 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»: «В заседание Конституционного Суда Российской Федерации может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела» [47].

При этом, речь может идти именно о специалисте в области права, несмотря на то, что каждый судья Конституционного Суда РФ, априори, признанный специалист в рассматриваемой сфере.

Повторимся: многие вопросы могут потребовать глубокой научной проработки, основанной на комплексном научном анализе, учитывающем специфику проблемной ситуации.

В качестве довода, направленного на разграничение сферы профессиональной компетенции между специалистом в области права и следователем дознавателем или судом, авторами указывается на то, что «закключение специалиста не должно включать в себя выводов, формулирование которых является прерогативной участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями (форма вины и т.д.)» [24, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ограниченных случаях знания из области юридической науки, могут считаться специальными. Возможность выступить в качестве специалиста в области права может быть

предоставлена лицам, имеющим учёную степень в области права (кандидата, или доктора юридических наук).

3.2 Заключение специалиста как доказательство и проблемы его использования в доказывании по уголовным делам

Заключение специалиста, в соответствии с п. 3.1 ст. 74 УПК РФ, допускаются в качестве доказательства при производстве по уголовным делам, что достаточно чётко определяет место данного документа в процессе доказывания, что в полной мере отвечает демократическим началам в российском уголовном процессе.

Как пишет в этой связи А.Р. Белкин, «заключение специалиста получило важнейший официальный статус – статус доказательства, что неминуемо повлечет за собой серьезные процессуальные последствия. Представленное защитником заключение специалиста следователь или суд обязаны будут приобщить к делу и подвергнуть проверке и оценке наравне с другими доказательствами» [6, с. 334].

Как следует из текста УПК РФ и правовой природы адвокатской деятельности, адвокат-защитник не имеет процессуальной возможности назначения судебных экспертиз – он может лишь заявить соответствующее ходатайство. Тем не менее, возможность обратиться к специалисту является важной альтернативой, способной создать разумный баланс интересов.

Однако, определение доказательственного значения заключения специалиста в нормах УПК РФ не является решением сопутствующих процессуальных проблем.

«Имеющаяся в ст. 80 УПК РФ формулировка определения понятия заключения специалиста наряду с отсутствием в законе требований к его процессуальной форме, а также слабая регламентация законом процедуры получения суждений специалиста становятся на практике основанием для

признания представленных стороной защиты заключений специалиста недопустимым доказательством» [36, с. 6] – отмечается в науке.

Ключевые проблемы, связанные с использованием заключения специалиста в доказывании возникают непосредственно на практике – суд в редких случаях признаёт заключение специалиста, возникшее в уголовном процессе по ходатайству защитника, допустимым доказательством, ссылаясь на разного рода обстоятельства.

Но, как представляется, специалист, будучи альтернативным носителем специальных знаний, наделён возможностью оценить со своей профессиональной позиции заключение эксперта и высказать своё суждение. Таким образом создаются предпосылки объективной оценки заключения эксперта, поскольку самостоятельно выявить его изъяны (если таковые имеются) суду может быть недоступно, ввиду отсутствия специальных знаний в соответствующей области.

В правоприменительной практике стороной защиты предпринимаются попытки выражения заключения специалиста в форме рецензирования заключения проведённой судебной экспертизы, что также находит в актуальной судебной практике критическое отношение суда и признание таковых в качестве недопустимого доказательства.

Так, в одном из кассационных определений суд обозначил следующую позицию: «Заключения специалистов, представленные стороной защиты, и их показания в суде, правомерно признаны недопустимыми доказательствами, поскольку по своей сути являются рецензиями на заключение экспертов, что не входит в компетенцию специалистов согласно положениям уголовно-процессуального закона. Правом давать заключение по вопросам, отнесенным к компетенции экспертов, специалисты не наделены, равно как не обладают правом давать оценку заключению эксперта. В оспариваемых стороной защиты выводах экспертов отсутствуют противоречия, требующие устранения путем проведения повторной или дополнительной экспертиз, а также привлечения к участию в деле специалистов. С учетом изложенного суд

пришел к правильному выводу о том, что указанные заключения не ставят под сомнение обоснованность выводов экспертов, компетенция которых и достоверность сообщенных ими сведений также сомнений не вызывают» [14].

В другом кассационном определении, суд также отмечает, что «заключение специалиста было представлено как в суд первой, так и апелляционной инстанции. При этом суд пришел к правильному выводу, что данное заключение, равно как и пояснения специалиста не могут быть признаны доказательствами, ставящими под сомнение заключения экспертов, полученные в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, так как, по сути, являются лишь рецензией на данные заключения» [15].

В одном из своих определений Конституционный Суд РФ констатирует, что согласно УПК РФ «специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается к участию в процессуальных действиях ... для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, этот Кодекс не предусматривает» [26].

То есть, рецензирование, как форма критической оценки заключения экспертизы, отвергается Конституционным Судом РФ в качестве предусмотренной УПК РФ возможности использования специалистом, привлечённым стороной защиты, своих знаний.

В отдельных редких случаях суды всё же соглашаются с допустимостью в качестве доказательства заключения специалиста, содержащего рецензию результатов проведённой судебной экспертизы, но не считают, что данное мнение, основанное на специальных знаниях, может поставить под сомнение заключение экспертизы: «Заключение специалиста Д. с рецензией на заключение экспертов по результатам комплексной психолого-

лингвистическо-религиоведческой судебной экспертизы получило правильную оценку в обжалуемых судебных решениях как не ставящее под сомнение выводы проведенной экспертизы» [16].

Критическое, часто непоследовательное и даже идущее вразрез с существующим процессуальным регулированием отношение судов к заключению специалиста вызывает недоумение. По непонятным причинам, суды часто исходят из отношения к такого рода документу, как «псевдоэкспертизе», проведенной непонятно кем, но такой подход заведомо ущемлен.

В отдельных случаях, судами не принимаются во внимания заключения специалистов по причине того, что таковые не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что является одним из препятствий в реализации правомочия защитника на получение помощи сведущего лица.

Так в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 03.03.2020 г. № 33-3598/2020 указывается: «Ссылки в апелляционной жалобе на то, что судом не приняты во внимание заключение специалиста № АП-ЗС-07-15 Автономной некоммерческой организации "Абсолют Судебная экспертиза и оценка" не влекут отмену решения суда, поскольку данные доказательства не являются заключениями экспертизы, составившие их специалисты не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения» [4].

Причиной подобных отказов является несовершенство действующего механизма правового регулирования. Для того, чтобы восполнить такого рода пробел, адвокату-защитнику необходимо заявлять ходатайство о приглашении специалиста непосредственно в судебное заседание для дачи показаний об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения, в соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РФ.

Удовлетворяя данное ходатайство, суд в судебном заседании предупреждает специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо

ложных показаний. Нередко суд также при этом предупреждает специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что с формальной точки зрения является не верным, так как ст. 307 УК РФ предусматривает такую ответственность лишь для эксперта, но не для специалиста.

В этой связи следует поддержать высказываемые в науке мнения о необходимости внесения изменений в ст. 307 УК РФ, устраняющих вышеназванный пробел.

В судебной практике можно обнаружить и иные примеры – обратного свойства. Так, суд первой инстанции, вынося оправдательный приговор по одному из уголовных дел, как следует из Определения Судебной коллегии по уголовным делам от 22.08.2024 г. № 49-УДП24-17-К6, «в обоснование оправдательного приговора сослался на заключение и показания специалистов, которые при этом не участвовали ни в лечении потерпевшего, ни в исследовании его трупа, при том, что в соответствии со ст. 58, ст. 80 УПК РФ заключение специалиста является лишь суждением по поставленным перед ним вопросам и не может подменить собой заключение эксперта. Таким образом, суд первой инстанции фактически проанализировал лишь часть исследованных доказательств и не дал всесторонней и надлежащей оценки как иным доказательствам, представленным стороной обвинения, так и имеющимся в них противоречиям, чем нарушил принципы оценки доказательств» [27].

В результате ранее вынесенные судебные решения были отменены, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство.

Здесь суд первой инстанции, наоборот, принял во внимание заключение и показания специалиста, посчитав таковые более убедительными, чем заключения нескольких судебных экспертиз. Но этот пример в достаточной мере уникален. Как правило, имеет место недооценивание роли заключения специалиста со стороны судов, рассматривающих и разрешающих уголовные дела.

Во всех случаях специалист, высказывая свои суждения и разъясняя в рамках заключения вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, должен чётко следовать правилу, нарушение которого часто приводит к тому, что суды отвергают заключение специалиста в качестве доказательства, а именно – не пытаться оценивать заключение эксперта с позиции его допустимости.

Приведём такие примеры из актуальной судебной практики.

По одному из уголовных дел, судебная коллегия «соглашается с выводами судов первой и апелляционной инстанций о том, что в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист не наделен полномочиями давать оценку доказательствам по уголовному делу, в том числе заключению экспертов, которая относится к компетенции органов следствия и суда» [17].

Как следует из Определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 23.06.2022 г. № 81-УД22-14-А5К, судами первой и апелляционной инстанций были исследованы несколько заключений специалистов, которые были «обоснованно и мотивированно отвергнуты судами, и не признаны доказательствами, опровергающими имеющиеся в деле заключения экспертов. К компетенции специалиста не относится оценка заключения эксперта, с точки зрения его допустимости как доказательства, поскольку в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона проверка и оценка доказательств по уголовному делу, находящемуся в производстве суда, относится к исключительной компетенции суда» [28].

В одном из проанализированных кассационных определений также констатируется, что «признание ряда заключений специалистов в части или в полном объеме недопустимыми доказательствами основано на положениях ст. 58 УПК РФ, которые определяют круг полномочий специалиста, не предоставляя ему право подменять эксперта, а равно, осуществлять рецензирование экспертных выводов и давать им оценку с точки зрения допустимости и достоверности» [18].

В другом кассационном определении также обозначена сходная ситуация. Судом первой инстанции «мотивированно отвергнуты как доказательства заключения специалистов (рецензии), представленные стороной защиты, о которых упоминается в кассационной жалобе, в том числе заключение специалиста – химика К. Как обоснованно указано судом, специалист, в отличие от эксперта, не проводит исследований в порядке, предусмотренном главой 27 УПК РФ, а дает разъяснения по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию. К компетенции специалиста не относится оценка заключения эксперта, с точки зрения его допустимости как доказательства, поскольку в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона проверка и оценка доказательств по уголовному делу, находящемуся в производстве суда, относится к исключительной компетенции суда» [29].

По ещё одному уголовному делу суд кассационной инстанции также констатирует, что «заключение специалиста П. представленное адвокатом Коршуновым как приложение к кассационной жалобе, носит характер рецензии, в которой специалист, вопреки отведенной ему законом компетенции и исключительным полномочиям суда дал оценку достоверности доказательства» [19].

Таким образом, попытки специалиста подвергать критике заключение эксперта с позиции допустимости заведомо обречено на неудачу. Тактически верным шагом можно считать постановку перед специалистом лишь тех вопросов, отражаемых в формулируемом заключении, которые касаются сугубо профессионального аспекта заключения эксперта – используемых методик, экспертного инструментария, иных сведений, касающихся специальных познаний, которых лишен суд, обходя вниманием вопросы процессуальной состоятельности заключения эксперта – этот вопрос подлежит разрешению лишь судом.

Следует также упомянуть важный момент, обозначенный Конституционным Судом РФ в упомянутом ранее Определении от

31.01.2023 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [26]

Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы С.А. Шевцова, Конституционный Суд РФ, тем не менее, указал на то, что «сторона защиты не лишена возможности с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы» [26].

При этом, внепроцессуальный характер обращения к специалисту со стороны защитника, как следует из анализа данной правовой позиции, не создаёт заведомой недопустимости полученного в итоге заключения, поскольку никак не связан с качеством заключения и профессиональной компетенцией специалиста, который привлекается к участию в деле защитником.

Тем не менее, отсутствие подобной конкретизации со стороны законодателя, суд часто оценивает, как препятствие для полноценного включения в доказательственную базу заключения специалиста, привлекаемого защитником.

Кроме того, создавшаяся ситуация нарушает право подозреваемого и обвиняемого на полноценную защиту и участие в доказывании. Суду, как объективному и беспристрастному субъекту, наделённому правом рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, следует использовать для этой цели потенциал, которым обладает заключение специалиста.

Без сомнений, уголовному преследованию может подвергаться лишь виновное в совершении преступления лицо, а доказывание такой виновности должно строиться на доказательствах.

Сказанное обуславливает необходимость проработки законодателем вопроса создания процессуальных ориентиров для получения и оформления заключения специалиста адвокатом-защитником. Это позволит создать основу для формирования единообразной практики реализации права стороны защиты на обращение к специальным знаниям.

Важный шаг в преодолении сложностей, связанных с привлечением специалиста адвокатом-защитником также сделан законодателем в рамках Федерального закона от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ [45], которым в ст. 58 УПК РФ была введена новая часть – 2.1, в соответствии с которой «стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

Корреспондирует данному положению, применительно к непосредственному судебному разбирательству, положение ч. 4 ст. 271 УПК РФ.

Как верно замечает Н.В. Азаренок, «привлечение специалиста, будучи действенным полномочием защитника, не должно ставиться в зависимость от чьего-либо усмотрения. Понимая это, законодатель в ч. 4 ст. 271 УПК РФ указал, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица, явившегося в суд по инициативе сторон, в качестве свидетеля или специалиста» [2, с. 63].

Таким образом, процессуальные основы независимости защитника в вопросе обращения к специальным знаниям, путём вовлечения в процесс производства по делу специалиста и формируемого благодаря его участию доказательства в виде заключения, должны укрепляться как со стороны самого законодателя, так и со стороны правоприменителя в лице суда.

В заключении третьей главы работы сформулируем следующие выводы.

Как показывает практика, одним из очевидных препятствий для вовлечения в процесс производству по делу специалиста по инициативе

стороны защиты выступает сомнение в профессиональной компетентности такого лица.

Каким именно образом должностное лицо должно проверить компетентность специалиста, на что должно обратить внимание и что положить в основу субъективного мнения о некомпетентности специалиста – законодатель не уточняет. Однако, это вопрос не простой: следовательно, не обладая соответствующими специальными знаниями, вряд ли может доподлинно и объективно установить компетентность лица, о допуске которого ходатайствует защита. Единственным адекватным способом такой проверки, является анализ сведений, подтверждающих наличие специальных знаний.

Подтверждением компетентности специалиста могут выступать документы об образовании, награды за достижения в соответствующей сфере, сведения о научных публикациях и т.д.

Законодатель не ограничивает сторону защиты сферой специальных знаний, которой владеет конкретный специалист, вовлекаемый в процесс производства по уголовному делу.

Однако, в науке и практике уже продолжительное время дискутируется вопрос о возможности отнесения отдельных направлений знаний к числу специальных, в том понимании, которое предопределяется возможностью использования таковых в доказывании, путём обращения к специалисту, формирующему на основе своих суждений соответствующее заключение. В частности, одним из самых обсуждаемых является вопрос отнесения юридических знаний к разряду специальных.

Можно сделать вывод о том, что в ограниченных случаях знания из области юридической науки, могут считаться специальными. В таких ситуациях привлечение специалиста в области права будет являться обоснованным. При этом, специалист в своём заключении не может вторгаться в сферу исключительной прерогативы суда, затрагивая вопрос о виновности, либо не виновности лица и т.д.

Возможность выступить в качестве специалиста в области права может быть предоставлена лицам, имеющим учёную степень в области права, что подтверждает высокий научный уровень знаний данного лица и предполагает возможность системного, научного толкования правовых положений.

Ключевые проблемы, связанные с использованием заключения специалиста в доказывании возникают непосредственно на практике – суд в редких случаях признаёт заключение специалиста допустимым доказательством.

Критическое, часто непоследовательное и даже идущее вразрез с существующим процессуальным регулированием отношение судов к заключению специалиста вызывает недоумение. По непонятным причинам, суды часто исходят из отношения к такого рода документу, как «псевдоэкспертизе», проведённой непонятно кем, но такой подход заведомо ущербен.

Альтернативное профессиональное мнение способно помочь суду разобраться в ситуации и даже усмотреть важные нарушения, допущенные экспертом в ходе своего исследования, незаметные неискущённому стороннему наблюдателю, которому лишь остаётся безоговорочно поверить данному заключению, раз уж оно исходит от квалифицированного носителя специальных знаний.

Внепроцессуальный характер обращения к специалисту не создаёт заведомой недопустимости полученного в итоге заключения, поскольку никак не связан с качеством заключения и профессиональной компетенцией специалиста, который привлекается к участию в деле защитником.

Тем не менее, отсутствие конкретизации со стороны законодателя суд оценивает, как препятствие для полноценного включения в доказательственную базу заключения специалиста, привлекаемого защитником.

Суду, как объективному и беспристрастному субъекту, наделённому правом рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, следует

использовать для этой цели потенциал, которым обладает заключение специалиста.

Сказанное обуславливает необходимость проработки законодателем вопроса создания процессуальных ориентиров для получения и оформления заключения специалиста адвокатом-защитником.

Это важно, как из соображений следования защите прав и свобод личности, на которую направлено уголовное преследование, так и из соображений укрепления режима законности при производстве по уголовным делам, обеспечения большей объективности судебной деятельности и действительно справедливого правосудия.

Таким образом, процессуальные основы независимости защитника в вопросе обращения к специальным знаниям, путём вовлечения в процесс производства по делу специалиста и формируемого благодаря его участию доказательства в виде заключения, должны укрепляться.

Заключение

Специальные знания в уголовном судопроизводстве, без сомнений, можно считать одной из важных категорий, создающих основу для качественной организации процессуальной деятельности, связанной с эффективным доказыванием и достижением, в конечном итоге, назначения уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном регулировании, к сожалению, имеет место много недостатков, связанных с регламентацией как самого процессуального положения анализируемого участника уголовного судопроизводства, так и процессуального документа, связанного с его участием – заключения специалиста, которому с некоторых пор законодатель придал статус полноценного уголовно-процессуального доказательства.

Категория «специальные знания» в УПК РФ в числе основных понятий не нашла своего определения, что обуславливает наличие соответствующих подходов в науке уголовно-процессуального права.

Нормативное определение данной категории, сформулированное в ст. 58 УПК РФ, многие авторы не находят удачным и исчерпывающим в плане определения всех значимых характеристик, определяющих специалиста, как носителя соответствующего уголовно-процессуального статуса.

Специалистом следует считать компетентное, не заинтересованное в исходе дела физическое лицо, обладающее специальными знаниями, вызванное (приглашенное) в порядке, установленном УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в сферу его профессиональной компетенции в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу.

Как следует непосредственно из текста ст. 58 УПК РФ, законодатель имеет в виду две фактические разновидности специалиста.

Представитель первой разновидности, как правило, является сотрудником правоохранительной системы. Его роль состоит в максимальном повышении качества работы, связанной с выявлением и эффективным расследованием преступлений.

Представитель второй разновидности – лицо, обладающее специальными знаниями, о допуске которого защитником заявляется соответствующее ходатайство. Данное лицо, в силу наличия у него специальных знаний, компенсирует отсутствие или недостаток таковых у участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями (в том числе суда, как ключевого субъект уголовно-процессуальной деятельности), чтобы они могли верно разобраться в ситуации и вынести обоснованные процессуальные решения.

Относительно форм использования специальных знаний в науке высказываются разные позиции. Так, есть мнение, что используемые в практике расследования преступлений формы использования специалистом своих специальных знаний можно разделить на процессуальные и непроцессуальные формы.

К процессуальным формам относят подготовку заключения и дачу показаний, поскольку такое использования специальных знаний предполагает формирование результата, имеющего предусмотренную УПК РФ процессуальную форму, что обуславливает возможность использования данного результата в процессе доказывания.

Иные же форме использования специальных знаний анализируемым участником уголовного судопроизводства именуют непроцессуальными, поскольку их реализация к формированию обозначенного выше результата не приводит и такой результат имеет не доказательственное, а иное, хотя и не менее важное для результатов расследования значение: оказание содействия следователю в производстве проверки сообщения о преступлении, участие в

производстве следственного действия, справочно-консультативная помощь и т.д.

Использование специальных знаний специалистом остаётся альтернативной формой, оставляя простор для толкований и диктуя необходимость последовательного совершенствования имеющегося регулирования.

Как представляется, комплекс прав и обязанностей специалиста является довольно кратким, что обуславливается характером участия такового в уголовно-процессуальной деятельности.

Специалист не имеет личного интереса в исходе дела и на него, тем более, не направлено уголовное преследование – поэтому круг правомочий и обязанностей достаточно узкий и включает в себя лишь самые основные, что является обоснованным. Ответственность специалиста ограничена лишь вопросом следования процессуальным процедурам, а также исполнением ключевой обязанности – сохранять тайну предварительного расследования.

Вопрос же регламентации ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ нуждается в дополнительной проработке, предполагающей внесение соответствующих изменений в текст ст. 307 УК РФ.

Что касается специалиста-криминалиста, то данная категория специалистов может оказать значительную помощь в изъятии различных следов преступлений.

Возможность вовлечения в процесс производства по делу специалиста стороной защиты является важной процессуальной возможностью стороны защиты и средством усиления состязательности российского уголовного судопроизводства.

Больше гарантий имеет место уже в судебном производстве – когда заявляется ходатайство о приглашении специалиста непосредственно в судебное заседание.

Но даже такое опосредованное вовлечение в процесс производства по делу сведущего лица стороной защиты является важным шагом в обеспечении состязательности процесса и расширяет процессуальный инструментарий стороны защиты.

Однако, стороны обвинения и защиты находятся в разных условиях реализации предоставленных законом правомочий, что и предопределяет поиск оптимальных путей их реализации стороной защиты. Одним из таких примеров является процедура вовлечения стороной защиты специалиста в процесс производства по уголовному делу.

Несмотря на номинальную и во многом декларативную состязательность российского досудебного и судебного уголовного судопроизводства, стороны обвинения и защиты находятся в достаточно разных условиях реализации предоставленных законом правомочий, что и предопределяет поиск оптимальных путей их реализации стороной защиты.

Как показывает практика, одним из очевидных препятствий для вовлечения в процесс производства по делу специалиста по инициативе стороны защиты выступает сомнение в профессиональной компетентности такого лица.

Каким именно образом должностное лицо должно проверить компетентность специалиста, на что должно обратить внимание и что положить в основу субъективного мнения о некомпетентности специалиста – законодатель не уточняет. Однако, это вопрос не простой: следователь, не обладая соответствующими специальными знаниями, вряд ли может доподлинно и объективно установить компетентность лица, о допуске которого ходатайствует защита. Единственным адекватным способом такой проверки, является анализ сведений, подтверждающих наличие специальных знаний.

Подтверждением компетентности специалиста могут выступать документы об образовании, награды за достижения в соответствующей сфере, сведения о научных публикациях и т.д.

Законодатель не ограничивает сторону защиты сферой специальных знаний, которой владеет конкретный специалист, вовлекаемый в процесс производства по уголовному делу.

Однако, в науке и практике уже продолжительное время дискутируется вопрос о возможности отнесения отдельных направлений знаний к числу специальных, в том понимании, которое предопределяется возможностью использования таковых в доказывании, путём обращения к специалисту, формирующему на основе своих суждений соответствующее заключение. В частности, одним из самых обсуждаемых является вопрос отнесения юридических знаний к разряду специальных.

Можно сделать вывод о том, что в ограниченных случаях знания из области юридической науки, могут считаться специальными. В таких ситуациях привлечение специалиста в области права будет являться обоснованным. При этом, специалист в своём заключении не может вторгаться в сферу исключительной прерогативы суда, затрагивая вопрос о виновности, либо не виновности лица и т.д.

Возможность выступить в качестве специалиста в области права может быть предоставлена лицам, имеющим учёную степень в области права, что подтверждает высокий научный уровень знаний данного лица и предполагает возможность системного, научного толкования правовых положений.

Ключевые проблемы, связанные с использованием заключения специалиста в доказывании возникают непосредственно на практике – суд в редких случаях признаёт заключение специалиста допустимым доказательством.

Критическое, часто непоследовательное и даже идущее вразрез с существующим процессуальным регулированием отношение судов к заключению специалиста вызывает недоумение. По непонятным причинам, суды часто исходят из отношения к такого рода документу, как «псевдоэкспертизе», проведённой непонятно кем, но такой подход заведомо ущербен.

Альтернативное профессиональное мнение способно помочь суду разобраться в ситуации и даже усмотреть важные нарушения, допущенные экспертом в ходе своего исследования, незаметные неискущённому стороннему наблюдателю, которому лишь остаётся безоговорочно поверить данному заключению, раз уж оно исходит от квалифицированного носителя специальных знаний.

Внепроцессуальный характер обращения к специалисту не создаёт заведомой недопустимости полученного в итоге заключения, поскольку никак не связан с качеством заключения и профессиональной компетенцией специалиста, который привлекается к участию в деле защитником.

Тем не менее, отсутствие конкретизации со стороны законодателя суд оценивает, как препятствие для полноценного включения в доказательственную базу заключения специалиста, привлекаемого защитником.

Суду, как объективному и беспристрастному субъекту, наделённому правом рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, следует использовать для этой цели потенциал, которым обладает заключение специалиста.

Сказанное обуславливает необходимость проработки законодателем вопроса создания процессуальных ориентиров для получения и оформления заключения специалиста адвокатом-защитником.

Это важно, как из соображений следования защите прав и свобод личности, на которую направлено уголовное преследование, так и из соображений укрепления режима законности при производстве по уголовным делам, обеспечения большей объективности судебной деятельности и действительно справедливого правосудия.

Таким образом, процессуальные основы независимости защитника в вопросе обращения к специальным знаниям, путём вовлечения в процесс производства по делу специалиста и формируемого благодаря его участию доказательства в виде заключения, должны укрепляться.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абросимов И.В., Гришина Е.П. Специалист как сведущее лица и участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2005. № 8. С. 52-55.
2. Азаренок Н.В. Совершенствование процессуального порядка привлечения специалиста защитником, давшим подписку о неразглашении данных предварительного расследования // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 58-65.
3. Анопко О.А. Правовые и процессуальные проблемы ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3. С. 119-124.
4. Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 03.03.2020 г. № 33-3598/2020 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
5. Арсентьева С.С., Савченко А.Н. Заключение эксперта или специалиста в области права как сфера услуг в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 4. С. 39-41.
6. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 451 с.
7. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ, 2017. № 4 (83). С. 38-41.
8. Воробьева И.Б. Взаимодействие следователя с контролирующими органами в борьбе с преступностью. Саратов, 1988. 195 с.
9. Гайнельзянова В.Р. Научные основы использования понятия «специальные знания» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 57-60.
10. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. 2011. № 4. С. 16-19.

11. Добровлянина О.В. Понятие специалиста и формы его участия в досудебном уголовном процессе // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 425-432.

12. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М. : Проспект, 2011. 134 с.

13. Карякин Е.А. Вовлечение специалиста в уголовное судопроизводство и последующая оценка его заключения и показаний // Современное право. 2006. № 6. С. 75-80.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2024 г. № 224-УД24-34-А6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

15. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2024 г. № 222-УД24-38-А6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

16. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 г. № 224-УД24-22-А6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

17. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.10.2023 г. № 222-УД23-52-А6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 г. № 48-УД24-13СП-А2 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

19. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2023 г. № 4-УД23-42-А1 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

20. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. - М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. 736 с.

21. Липинский А.П. Участники досудебного производства, подлежащие предупреждению о недопустимости разглашения данных // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып. 5. С. 911-919.

22. Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. 188 с.

23. Мацун Е.А. Классификация форм использования специальных знаний на стадии предварительного расследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 1. С. 39-42.

24. Митрофанова А.А., Кузаков Д.В. Проблемы использования заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве: анализ судебной практики // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 24-29.

25. Надоненко О.Н. Привлечение специалиста к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 127-134.

26. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

27. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2024 г. № 49-УДП24-17-К6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

28. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2022 г. № 81-УД22-14-А5 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

29. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2024 г. № 67-УД23-30-А5 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

30. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. 236 с.

31. Пастухова В.В. Правовое положение специалиста в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Посвящается 80-летию образования СЮИ МВД России. Саратов : СЮИ МВД России, 2005. С. 60-71.

32. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2008. 315 с.

33. Рыжаков А.П. Специалист в уголовном процессе: научно-практическое руководство. М. : Издательство «Экзамен», 2007. 156 с.

34. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М. : Городец, 1999. 255 с.

35. Семёнов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе (теоретические, процессуальные и организационные аспекты): монография. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2013. 163 с.

36. Семёнов Е.А., Гришин А.С. Оценка заключения эксперта в компетенцию специалиста не входит // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 6-12.

37. Соколовский З.И. Понятие специальных познаний // Криминалистика и судебная экспертиза. 1969. № 6. С. 201-205.

38. Статкус В.Ф. О функциях, правах и обязанностях специалиста в уголовном процессе // Вестник криминалистики. Вып. 3 (15). М., 2005. С. 56-61.

39. Травкин Е.А. Взаимодействие следователя со специалистом: проблемы организации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. С. 398-403.

40. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997. 305 с.

41. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 1. Ст. 1.
42. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
43. Ушаков А.Ю. О понятии специалиста в уголовном судопроизводстве России // Российский следователь. 2008. № 9. С. 8-10.
44. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
45. Федеральный закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.
46. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
47. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
48. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. 152 с.
49. Экзархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. 277 с.
50. Ярков А.А. Понятие «специальные знания»: дискуссионные аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-2 (59). С. 126-128.